

АЛЕКСЕЙ ЛЫЗЛОВ

ПСИХОЛОГИЯ
ДО ПСИХОЛОГИИ

От Античности до Нового времени

ПАЛ Ъ МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 4

УДК 159.9
ББК 88.1
Л88

Лызлов А.

Л88 Психология до психологии : От Античности до Нового времени / Алексей Лызлов. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 303 с. — (Серия «Пальмира — психология»).

ISBN 978-5-517-10687-2

В курсе лекций Алексея Васильевича Лызлова рассматривается история европейской психологии от гомеровских времен до конца XVIII века, когда она оформилась в самостоятельную дисциплину. Автор знакомит читателей с воззрениями великих мыслителей прошлого — Пифагора, Платона, Эпикура, Декарта, Локка, Вольфа и др. — на природу человеческой души. Особое внимание А. В. Лызлов уделяет размышлениям и практикам, способным обогатить наше понимание душевной жизни человека и побудить нас задуматься над вопросами, актуальными сегодня. Живое и ясное изложение материала делает книгу доступной для понимания самого широкого круга заинтересованных читателей.

УДК 159.9
ББК 88.1

© Лызлов А. В., 2024

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии»,

ООО Группа компаний «РИПОЛ классик», 2024

ISBN 978-5-517-10687-2

Nota bene

...Во всем наблюдать нам умеренность должно;
Худо, если мы гостя, который хотел бы остаться,
Нудим в дорогу, а гостя, в дорогу спешащего, держим:
Будь с остающимся ласков, приветно простиись с уходящим.

Гомер

...оттого, что они хорошо владели искусством, каждый считал себя самым мудрым также и относительно прочего, самого важного, и эта ошибка заслоняла собою ту мудрость, какая у них была; так что, возвращаясь к изречению, я спрашивал сам себя, что бы я для себя предпочел, оставаться ли мне так, как есть, не будущий ни мудрым их мудростью, ни невежественным их невежеством, или, как они, быть и тем и другим. И я отвечал самому себе и округу, что для меня выгоднее оставаться как есть.

Платон. Апология Сократа

Для каждого из существующих предметов есть три ступени, с помощью которых необходимо образуется его познание; четвертая ступень — это само знание, пятой же должно считать то, что познается само по себе и есть подлинное бытие: итак, первое — это имя, второе — определение, третье — изображение, четвертое — знание. Если ты хочешь понять, что я говорю, возьми какой-то один пример и примени его ко всему. Например, «круг» — это

нечто произносимое, и имя его — то самое, которое мы произнесли. Во-вторых, его определение составлено из существительных и глаголов. Предложение: «то, крайние точки чего повсюду одинаково отстоят от центра», было бы определением того, что носит имя «круглого», «закругленного» и «окружности». На третьем месте стоит то, что нарисовано и затем стерто или выточено и затем уничтожено. Что касается самого круга, из-за которого все это творится, то он от всего этого никак не зависит, представляя собой совсем другое. Четвертая ступень — это познание, понимание и правильное мнение об этом другом. Все это нужно считать чем-то единым, так как это существует не в звуках и не в телесных формах, но в душах; благодаря этому ясно, что оно — совершенно иное, чем природа как круга самого по себе, так и тех трех ступеней, о которых была речь выше. Из них понимание наиболее родственно, близко и подобно пятой ступени, все же остальное находится от нее много дальше.

Платон. 7-е письмо

Признавая познание делом прекрасным и достойным, но ставя одно знание выше другого либо по степени совершенства, либо потому, что оно знание о более возвышенном и удивительном, было бы правильно по той и другой причине отвести исследованию о душе одно из первых мест. Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы. Ведь душа есть как бы начало живых существ. Так вот, мы хотим исследовать и познать ее природу и сущность, затем ее проявления, из которых одни, надо полагать, составляют ее собственные состояния, другие же присущи — через посредство души — и живым существам. Добиться о душе чего-нибудь достоверного во всех отношениях и безусловно труднее всего.

Аристотель

Ничуть не более это, чем то.

На всякое слово есть обратное.

Например, оскребки рога козы, созерцаемые просто и без составления, кажутся белыми, а в составе рога являются черными. Точно так же и опилки серебра сами по себе кажутся черными, в сложении же в целое они представляются белыми. Части тонарийского камня, будучи отшлифованы, кажутся белыми, а в сложении с полной совокупностью — желтыми. И песчинки, отделенные друг от друга, кажутся жесткими, собранные же в кучу, они производят мягкое ощущение. И чемерица, если принимать ее тонко растертой и вспененной, производит удушье, но этого не происходит, если она грубо размолота. Вино, употребленное в меру, укрепляет нас, а выпитое с излишком расслабляет тело.

Пиррон

Диоген говорит, что смерть не является злом и не заключает в себе ничего безобразного. Далее он утверждает, что слава — это только пустая болтовня безумцев. Быть голым, говорит он, лучше всяких одежд, окаймленных пурпуром. Спать на голой земле все равно что на мягчайших подушках. Человек, учил он, проявляется в его дерзаниях, спокойствии духа, свободе, в чистоте и подобранности его тела.

Эпиктет. Беседы

Все, что мы делаем, мы делаем затем, чтобы не иметь ни боли, ни тревоги; и когда это, наконец, достигнуто, то всякая буря души рассеивается, так как живому существу уже не надо к чему-то идти, словно к недостающему, и чего-то искать, словно для полноты душевных и телесных благ. В самом деле, ведь мы чувствуем нужду в наслаждении только тогда, когда страдаем от его отсутствия, а когда не страдаем, то и нужды не чувствуем.

Эпикур

Не стремись к тому, чтобы происходящее происходило так, как ты того желаешь, но желай, чтобы происходящее происходило так, как оно происходит, и ты будешь счастлив.

Эпиктет

Подобно тому как человек, ожидающий услышать желанный голос, отвращается от других голосов и настораживает слух — не приближается ли звук, который он предпочитает всем иным, так и нам следует по возможности отстранять от себя звуки, исходящие из чувственного мира, и сохранять в чистоте способность души к восприятию, дабы она была готова внять вещаниям свыше.

Плотин

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает.

Апостол Павел

Главное действие всех людских страстей заключается в том, что они побуждают и настраивают душу человека желать того, к чему эти страсти подготавливают его тело.

Декарт

Природа познается сама через себя, а не через какую-либо иную вещь. Она состоит из бесконечных атрибутов, из которых каждый бесконечен и совершенен в своем роде; к сущности ее относится существование, так что вне ее нет уже сущности или бытия, и она точно совпадает с сущностью единственно величественного и прославляемого Бога.

Спиноза

Истина насквозь проста, насквозь чиста и не выносит примеси чего-либо постороннего. Она сурова и непреклонна по отношению к любому побочному интересу; и таким должен быть также разум, значение и превосходство которого состоит в том, что он сообразуется с истиной. Думать о каждой вещи именно так, как она есть сама по себе, — в этом настоящее назначение разума, хотя люди не всегда пользуются им для этого.

Локк

Когда какая-нибудь вещь среди творений Бога кажется нам достойной порицания, мы должны заключить, что она недостаточно нами понята и что мудрец, который постиг бы ее, решил бы, что невозможно даже желать чего-либо лучшего.

Лейбниц

Предположение: и будущее похоже на прошлое, — не основано на каких-либо аргументах, но проистекает исключительно из привычки, которая принуждает нас ожидать в будущем той последовательности объектов, к которой мы привыкли.

Юм

Смерть догмы это рождение реальности.

Кант

Предисловие

Книга, которую Вы держите в руках, представляет собой расшифрованную и обработанную запись первых пятнадцати лекций курса истории психологии. Не всегда, но достаточно часто, эта часть курса недооценивается как преподавателями, так и студентами. Ее проходят скорее «для общей грамотности», спеша перейти к более близким к нам по времени авторам и научным концепциям. Исходят при этом чаще всего или из предпосылки линейного прогресса познания: мы стоим «на плечах» тех, кто жил и работал до нас, и потому даже если среди них встречались настоящие «гиганты», а сами мы — «карлики», с их плеч мы видим больше, чем видели они; — или из предпосылки радикальной инаковости прошлого по отношению к настоящему: мы не можем думать так, как думали в то время, их жизнь не может стать нашей плотью и кровью, их вопросы — не наши вопросы, их ответы — не наши ответы. В обоих случаях, что важно, совершенно не предполагается, что авторы прошлого способны *научить* нас чему-то такому, что было бы по-настоящему важным и новым для нас.

Однако стоит нам задуматься о том, как совершались решающие шаги и происходили крупные прорывы в европейской мысли, как мы обнаруживаем совсем иную картину. Мы видим, что каждый такой шаг и прорыв был так